

БОЯШЬ

ПИСЬМО ДЛЯ БЕЛЕТРИСТИКИ И НАУКИ.

Ч. 6.

Львѣвъ, 8. Мая

1867.

УПАВШІЙ АНГЕЛЬ.

Повѣсть

Волод. Шебельскаго.

(Продовженіе)

„Талія! —“

„Такъ, жена барона Адама —“ говоритъ жидъ, не звертаючи очей отъ своего довжника.

„Талія, жена Адама —“ довергъ Ассо тихо, сонно.

Беръ молчавъ.

„Беръ! сенайглибшая тайна души моеи —“ продолжавъ Ассо.

„Фантазія —“

„Не фантазія, Беръ, а правда. Я люблю ю, новою любовью люблю ю — она святая для мене —“ отвѣтивъ горячо фанфаронъ.

„Ахъ святая! — Чи довго уже вѣритъ Ассо въ святощи? —“

На зрѣнищѣ Асса лягла хмарка. Еще боролася тая душа противъ рафинеріи лукавого жида, котора ножемъ студенон ироніи дерла останки въ бѣлои одежи ангела той души...

„Ничо святого, ничо! Нема ангелѣвъ на земли, где страсти и грѣхи, где люде и люде... Чи знаете, що люде? И щожъ тотъ Талія? —“ продолжавъ шарлятанъ, а очи его сіяли.

„Що Талія? — Артистка, котрой душею гадка, котрой гадкою честь —“ фантазовавъ Ассо яко студентъ.

„Ахъ, артистка! Пѣйшла за глупого барона, а о минувшости не згадай... Що такого Ассови? Невѣста, Ассо, се невѣста со страстями своего рода —“

А передъ Ассомъ моргало сто хорошихъ

невѣсть, недѣвочихъ подругъ молодости донъ-Жуана. А надъ сими невѣстами двиглася въ рожевой мраки Талія, вѣчно тая серіозная Талія... А коли она двиглася, загибла громада невѣсть съ реготомъ. И не туживъ Ассо за ними, а лишь молился до Талии. Але Талія была вѣчно зимная... Тогдѣ шаленая гадка шибла душею Асса —

А за каждою жилою, дрожащою на лиці Асса, ишла слѣдомъ искрава зрѣница жида.

Знова довгая хвиля молчанья.

„Отже въ борбу, въ борбу за народъ! —“ перебивъ факторъ.

Почитанья достойная фигура Франца Шнапса запала уже безъ церемоній въ рамена Морфея.

„Нѣтъ, ахъ нѣтъ!“ — рвалося въ души Асса.

„Талія!“ — зареготовався Беръ.

Розговоръ продолжався тихо, але живо. Жидъ стрѣлявъ очицами, плескавъ въ руки. Ассо блѣднѣвъ, дивився махинально.

„И такъ, за нею пѣйду и на дно ада! —“ сказавъ Ассо хмарно, коли розговоръ довершився.

„Не достаточно —“ довергъ Беръ голосомъ Силока.

„Ахъ, сатаню буду, ино Талию, Талию дай! —“

„Она уже твоя —“

„А моя душа уже твоя, Беръ! —“

„Знова фантазіи. Стихомирѣтся. Ожидаю въ недѣлю, отже у Стефана въ недѣлю, Ассо!“ —

„Въ недѣлю —“

Факторъ мадярскихъ патріотѣвъ поклонився, и збудивъ благословенного своего Шнапса. Товарищи отѣшли.

Лишився Асо съ жаждою своеи любви, съ фантомами своеи туги.

To be or not to be . . .

IV.

НЕДУЖНАЯ.

„Болишь еще голова? —“ звѣдався Адамъ солодкимъ голосомъ.

Талія посмотрѣла на своего мужа окомъ несказаной любви. Талія артистка.

„Чи тымишишь — продовжае баронъ — коли пращалисмо твоѣй Неаполь, мѣсто родинне, мѣсто тріумфѣвъ, якъ тебе голова розболѣла? —“

Талія мовчала. Душа задумою привитала згадку Адама, котора нею переходила яко сонъ.

Адамъ поцѣловавъ жену съ великимъ аффектомъ. На поблѣдшихъ лицахъ Таліи розлилася мигомъ червень и мигомъ погасла.

„Талія! —“ моливъ Адамъ.

„Що любчику? —“

„Бдѣ со мною —“

„Не можу, я хорая —“

„Поѣдь, а зрадѣшь, станешъ здорова. Хибанъ мене уже не любишь? —“

„Що-дня молю тебе. Рѣшиися, бо уже пора. Завтра —“

„Завтра? —“

„И такъ, лишаешся? —“

„Лишаюся, бдѣ безъ мене, вертай скоро, я за тобою буду въ самотѣ тужити —“

„Пращай, бувай здорова, недужна птичко моя! —“

„А вертай скоро —“

„Еще одинъ цѣлуй на пращанье —“

И Адамъ отдалився зъ будоара. Але фізіономія его прѣбрала напрасно инакшій видъ; прѣйшовши до своего салона, вергся ѣтъ въ фотель и засмѣявся въ-голосъ.

А Талія лишилася. Але коли Адамъ щоино перестушивъ пороги будоара, не було у

неи уже и слѣда недуги. Але не смѣялася она, а лишъ зъ очей говорило завзятое кипучого гнѣва. Талія родилася пѣдъ горячимъ небомъ Италіи . . .

Що она, тая вѣчная комедія жизни? Жизни, где отъ молебена любви до хмарной мести — ино шагъ?

Талія почала съ видимою горячкою читати останки якогось подертого билета.

Изъ сихъ останкѣвъ змогла она ино тѣлько прочитати:

(Д. б.)

З В О Н Ы.

Звоны сумно зазвонили.

То по змерломъ зголосили —

А я думавъ сиротина,

Що то бѣ моя година!

Звоны втихли, вже нечуті . . .

О якъ тяжко въ нуждѣ бути,

О якъ тяжко въ нуждѣ жити,

Все просити, все молити! —

Иванъ М.

МАРІЯ.

(Записки лѣкаря.)

(Дальше.)

„Не думаю, що въ гараздѣ суть; если правду сказати маю: добрая платня — николи на кредитъ. Тое треба имъ признати. Але они споживаютъ дуже, дуже мало. Передже брали що-дня одинъ лутъ чаю другого сорта и фунтъ цукра, теперъ тѣлько що другій день. Але они платять точно, а се хорошо. Впрочемъ найменшій сортъ того чаю такъ добрый, якъ у многихъ наилучшій; извольте, я тое докажу.“

И кривоногій лавочникъ скочивъ зручно, якъ се у кушца понятно, на стѣлъ, знявъ якійсь пакетъ, розломивъ печатку, и розкинувъ на долони гидкую мѣшанину винного и пальмового листья, котора мала представляти чай. Тотъ чай здавався заслуговати патентъ, и я отдавъ его назадъ почи-танья достойному фабрикантови.

„Мимо того цѣна у мене такъ низкая,“ продолжавъ ѓнъ, „що не понимаю, чому г. Дубровска частѣйше до мене не заходить; молодая пара же, видится, дуже экономично, дуже экономично, дорогой пане. — Передъ годиною була бѣдная невѣста тутъ. Хотѣла трохи сага для мужа, але не було ни зерна, бо я маю великій, бачите, дуже великій покупъ, мимо малого склепа. Мѳй рижъ дуже хорошій. Я Вамъ покажу першій сортъ.“

„Чи не казалисте, що Дубровскій дававъ лекціи въ музицѣ?“

„Такъ, ѓнъ на флетѣ розумѣе. Але о-скѳлько знаю, мавъ ѓнъ лишь одного ученика.“

„А теперъ?“

„Ученика нема, и флеты нема. Хорошая флота! Подѳбная находится у Манелеса, фантаря, въ-право за скрутомъ тамъ. Ручаюся, що се тотасамая, и що ѓнъ за ню може ино пять отсотокъ получить! — Лихій дѣла съ фантарами!“

„А такъ, лихій.“

„Але потеря не велика“, каже Каржъ дальше; „флота шкодить грудемъ, а Дубровскій не есть крѣпкій. Молодая жена заговорила ему своимъ голубо-звучающимъ голосомъ: „Дорогій Романа, не грай уже, не грай!“ Дубровска мае голосъ якъ якая княгиня або спѣвачка зъ першого театра.“

Вступаюча за товарами дама зберегла въ одній хвили всю увагу лавочника, котрого окуляры знова на величній хребетъ носа спустилися. Вѣкѳнци дощъ усмирился, а я попрощавъ старого, дякуючи за пріютъ передъ уливою.

Минула недѣля, и я знова не чувавъ о Дубровской. Ажъ одного четверга, найшовъ я дома билетъ, где она мене до себе просить и молитъ, щобымъ мужеви о першой ей визитѣ ничо не згадовавъ. Тожъ поїшовъ я слѣдующого ранка до нихъ. На долинь дома находився склепъ, а на другій поверхъ вели узенькіи сходы. Тутъ мешкали Дубровскіи. Я найшовъ двери отчиненіи, и задержався хвилию въпередпокою.

Прямо противъ дверей, за столомъ, на котромъ великіи зеленіи книги лежали, сидѣвъ молодой еще мущина и задрѣмавъ; перо упало на подлогу. Видно, що тое оружье, которе нужду перебороти мало, тѳлько крайная несила зъ рукъ выдерла. На столѣ, межи двома великанскими книжками, бавилася дитина въ зеленой одежи другимъ перомъ. Мущина мѳгъ до 30 лѣтъ матери; була се одна изъ сихъ головъ, где надъ красотою тѣла разлилася красота духа. . . . Лица его запали, були майже проникавіи; надъ чоломъ широкимъ и высокимъ вилоса чорне волосье; рука, опустившая перо, майже досягала до земли.

Мимо студеного воздуха не топлено въ ком-

натѣ; Дубровскій зацѣвъ своій чорный сурдутъ ажъ по шію, очевидно за-для студени. Въ комнатѣ находились тѳлько необходиміи снаряды зъ мягкого дерева, дуже чистенько удержаніи.

Побачивши мене, начала дѣтина отца будити.

„Извольте“, сказавъ Дубровскій еще въ просонью; „я ещене совсѣмъ готовъ — але я трудився, я робивъ цѣлую днину —“

„Єсмь докторъ В.“, перебивъ я.

„Ахъ, тожъ извинѣтъ. Сѣдайте. Моя жена щоино выйшла; дуже ми жалко, що тутъ ей нема.“

„Булобы для мене дуже пріятно, побачитися зъ Вашою подругою, однако я до Васъ самого пріишовъ, г. Дубровскій. Именно сказано ми, що находитесь въ ненайлучшомъ состоянью здоровья, тому бажаю, Вамъ силою и совѣтами своей науки помочи.“

„Я дѣйстно недужень, але печаль мои жены видитъ несомнѣнно бѳльшій опасности.“

Дубровскій отвѣчавъ на каждый мѳй допросъ ясно, точно и просто, що его образованью честь дѣлало. Довга утробная недуга Дубровского росла при званью жизни, которе го до столика приковало. ѓнъ розказавъ ми посторонно тое приключенье, за которе жена згадала була. Ахъ, тотъ мущина западавъ поволи въ утробній сухоты, а хотяй при состоянью его имѣнныя тяжко видится думати о якой подорожи въ теплѣйшій край, я таки не мѳгъ иначе совѣтовати.

Въ той хвили вступила Дубровска, и заголосила; „До Италіи!“

Они посмотрѣли на себе, а краски на лицахъ мѣнились. Изъ взорѳвъ сихъ говорила цѣлая горестъ ихъ положенья, все, що одно для другого страдало, говорила цѣлая нужда ихъ. Наибѳльше тронуло мене терпѣнье того несчастного молодого чоловѣка, що нужду бажае закрыти, нужду, наибѳльшее злодѣянье у насъ.

Малая ясноволосая дитина, котора великимъ чорнымъ окомъ на мене споглядала, тая дитина, потѣхи и будущности предметъ одинъ, котрой кругомъ хмарне безнадѣйне житье; честнота, котрой люде знати не хотять; цѣла трагедія безъ слезъ, майже безъ словъ, котрой лицами подруга съ безконечною любовью, дитина съ усмѣхомъ несвѣдомости и мущина съ лихovorожою недугою; бѣдная, але благородная гордость; смерть, що всею своею силою въ нужду ступала; — все тое давило душу мою, творило мирную сцену безъ жалю. . . . Якъ мѳгъ я жадати надгороду за мою прислугу? Якъ знова не пріняти ю? — Бо ничо не можъ такъ легко оскорбити, якъ несчастную праведность. А еще день передъ симъ моливъ мене богачъ о отпущенье одного золотого.

Они съ бѣльною болестью подали ми монету, якъ колибъ зъ-пѣдъ сердца кровь добували. Я червѣлся за нихъ; я не знавъ, чи можъ отпустити гѣркій грѣшъ нужденного труда. На щастье надбѣгла дитинка; я взявъ ю на колѣна и положивъ въ ручку бlyскучую монету. Дубровскій поблѣдъ, начавъ щось говорити; слеза оросила очи по-други. Я отдалився скорше, якъ въ каждомъ другомъ случаю; она споглядала за мною... Ахъ чи напише кто коли исторію нужды и горя такъ, якъ довжна она писатися? — (Д. 6.)

ПЕРЕЯСЛАВСКА НОЧЬ.

Трагедія Галки.

(Дальше).

Почувши, що Лисенка вже забили,
Онъ думаетъ, теперъ его вже воля,
Згнушатися надъ его семьею. Братья!
Багато вамъ Ляхи робили лиха,
Вы все терпѣли — я терпѣть не хочу!
Пойду до него заразъ, та й убью,
Убью. Отъ-симъ пистолемъ встрѣлю! оттакъ
Що пѣсля буде, най и буде! — Лучше
Смерть, якъ така недоля и хоруга!

Одинъ зъ хлопцѣвъ, Молодець!

Друг. Добрый Герцикъ чоловікъ!

Трет. Щире сердце!

Четв. Его батько вмерж за насъ!

Пят. Онъ сирота!

Шест. Сирота! Бѣдный сирота!

Сем. Не дамо погибати Герцикови. Сами погиб-
[немо за него!

Одинъ зъ хлоп. Лучше смерть якъ наруга — го-
[ворили дѣды наши.

(Народъ турбуется; шумъ, шопотня)

Ан. Панъ Герцикъ! — На що ты людей турбуешъ!

Схотѣвъ пропасти самъ такъ пропадай.

На що-же ты подмвлюешъ и другихъ!

Г. Панъ-отче!

Ан. Послушайте, міряне, кто зъ васъ пойде

За нимъ, той буде ворогъ христіянству!

И я, по власти Богомъ мнѣ наданой,

Запретъ на всѣхъ кладу. Противъ закона

Такъ дѣяти. Теперъ свята субота:

Тогдѣ хотѣли въ церковь — отъ и можна!

Отперга церковь. Що-жъ вы стоите?

Ходѣмо (повертается. Народъ стоитъ)

Г. (въ сердцахъ кидается до него)

Ты, мабуть, зѣвъ отъ даховъ прочуханѣвъ,

Ну, вѣжъ; ну, кланяйся имъ — они ще разъ

На щокахъ обѣрвуть тобѣ волосье!

Чого жъ ты люде добрый зводишъ, попе??

Ан. Ходѣмо добрый люде швидше въ церковь,

Бо сонечко звернуло вже на заходъ.

Г. Стой, стой, — не ворущись! — Я дамъ тобѣ!...

П. Семене, що ты? — Блекоти обѣввся!

Говъ! Хлопцѣ! Що вы стоите, безъумній!

Не бачите, онъ мабуть одурѣвъ!

Священника!... Ахъ, бѣсовъ сынъ, — анти-
[христь.

Охъ супостать!! Рука твоя проклята

Восмѣла!!! (Народъ обступаетъ Герцика). Вя-
[жѣтъ его!

Г. Вязати?! — Ахъ, ты стара собака!... Якъ?

Мене вязати?.. Кишки тобѣ скорѣйше

Я розвяжу шаблюкою моею,

Якъ ты до мене смѣтимешъ торянутись!

(обмахуе коло себе шаблею)

Стонадсятъ вамъ чортѣвъ! — гидки поганицѣ,

Поднѣжки недовѣрковъ и отступники,

Вы — байстриуки, женочи подхвѣстки!

Юды всѣ — Христа продали вдруге!!

Вамъ всѣмъ, бачу, дать по десятку золотыхъ,

Такъ вы хочъ заразъ къ нехристу раднѣйши.

Чортъ зъ вами! (обертается назадъ)

Будьте въ проклятью по-вѣкъ

Отъ Бога! — Най забуде васъ, якъ вы

Его забули!

Нар. Семене! Брате! мы твои усѣ.

Роби исъ нами, що ты схочешъ, всюды

Веди насъ, — въ право въ лѣво — хочъ куды,

На муку, на смерть, въ пекло... Мы раднѣйши

За вѣру православну, за родину!...

Ан. Семене Герцику, утихомарься!

Послухай лишъ мене... Твоя есть воля,

Хочъ вважишъ, хочъ не вважишъ, се якъ зна-

Тѣлько послухай... [ешъ.

Г. Що тамъ буду слухати!

Небѣйсъ, хочъ ты и попъ, и святъ законъ

Толкуешъ, — та я й самъ, що дѣяти, знаю.

Ан. Я знаю й вѣрю, друже. Ты на мене

Розсердився, та совѣмъ дурно, друже.

Хиба я раджу, що-бъ Ляхамъ коритись?

Або що? — Нѣ, Семене мой любимый!

Най Богъ спасе; душа у мене руска.

И такъ менѣ на свѣтѣ жити важко...

Такъ важко, брате, що огненну муку

У вѣчномъ пеклѣ я бѣ раднѣйшъ принять,

Якъ мучитись, на тое дивлючися,

Якъ вѣра православная страждае,

И добрый нашъ народъ бѣдуе гѣрко...

Та тѣлько те, що все менѣ васъ жалко,

Симъ жалко, що мѣсть вызволення й щастья

Получите вы горенько новое!
 Бо зъ чвары вашою добра не буде; —
 Половлять тѣлько, та ще бѣльше будутъ
 Втисняли — отъ и все! А моя рада:
 По моему — отправити до Гетмана
 Хмельницкого тихенько, и просити,
 Що бъ онъ измиловавсь, приславъ намъ помѣчь. —
 Бо мы вже страждемо не въ мѣру. Такъ!
 Тодѣ бъ мы высвободились, вражихъ
 Ляхѣвъ повигоняли бъ зъ-отси,
 И то не такъ, якъ выгоняли други,
 Що перерѣжуть всѣхъ, та перетоплютъ!
 Спаси отъ сего Боже! — Грѣхъ великій,
 Отпачувати злочинцямъ по злодѣйски;
 Бо намъ не мести треба, а свободы!

Ч. Панъ Гетманъ вамъ поклонъ свѣй посылаетъ,
 И отъ-сей листъ велитъ вамъ прочитати.
 (читаетъ) Дознались мы, що у Переяславѣ
 Ляхи втисняють русскихъ, и що доси
 Не высвободились Переяславцѣ.
 Отъ тымъ, отъ се, любиміи православній,
 Пять тысячъ вѣйска посылаю въ помѣчь.
 Повыбивавши всѣхъ ляхѣвъ проклятыхъ,
 У мѣстѣ съ нами славете дѣти, Бога —
 Що спасъ свѣй людѣ отъ тяжкой недоли.

П. Якъ?
 Ч. Такъ. (шумъ межи народомъ)
 Г. Они его не стоятъ, та й похочуть.
 Ч. Готове вѣйско: я его проводець.
 У вечерѣ, якъ стане вже смеркати,
 Й католики въ костель свѣй изберутся, —
 Намѣтте кождый дѣмъ, где ляхъ живе,
 Ударте въ звѣнъ и рѣжте суцѣстатѣвъ;
 А мы почувши, явимось заразъ,
 Обступимъ кругомъ весь Переяславъ, —
 И ни одна проклятая душа
 Не выхопится ѳтси изъ пекла.
 У ранцѣ всѣ вы будете свободній,
 И день святой великъ-день буде двѣчи
 Святѣйшъ для насъ; у мѣстѣ съ воскресеньемъ
 Христовымъ мы й наше святитимемо
 Зъ пекельной муки вызволенье.
 У ранцѣ всѣ мы будемъ христїане,
 У вечерѣ сегодня будемъ звѣри,
 Щобъ шаны изъ ляхѣвъ не дати никому;
 Щобъ ни одиный не утѣкъ отъ смерти, —
 Катуйте ихъ; маленькая дѣтвора
 Щобъ испеклась въ поломѣни сегодня.
 Щобъ завтра не було тутъ ляцкого и духа:
 Бо такъ велитъ вамъ панъ вельможный гет-

манъ.
Всѣ: Смерть! Смерть, имъ суцѣстатамъ!
 [Всѣ рѣдъ скоренимо! (Д. б.)

О степяхъ и пущахъ.

(Продовженье)

Отъ открытїа Америки почалися Льяносы за-
 люднати. Щобы улегчити знѣшеня торговельнїи
 межи побережьемъ и Гуаюною, особенно тутъ и тамъ
 мѣста надъ рѣками степовыми. Всюда на цѣлѣй не-
 обзоримѣй просторони заведено хѣвлю скотины.
 Хижи изъ тростини и ремѣнья плетеныи а воловыми
 шибрами накрыты, стоятъ одиноко о день дороги,
 або и бѣльше одна отъ одной отдаленыи. Череды
 несчисленїи здичѣлыхъ волѣвъ, коней и мулѣвъ (пѣдъ
 часъ свободной моеи подорожи число ихъ мало еще
 доходити $\frac{1}{2}$ милїона хвѣстѣвъ) гасають по сте-
 пахъ. Огромне розмноженье сихъ звѣрятъ старого
 свѣта изъумляетъ, коли возмется на увагу, якъ мно-
 ги опасности имъ загражають.

Колї пѣдъ влїаньемъ простопадного луча ни-
 коли незахмареного сонця на уголь спалена трава
 въ персть розсыплется, падае стверднѣла земля, якъ-
 бы загальнїи трясеня ю всколебали. Скоро потѣмъ
 розходятся по ней пруды воздуха одинъ-одному про-
 тивнїи, котрыхъ межисобная борба кѣнчится рухомъ
 вирующимъ, тодѣ-то представляе рѣвнина видъ осо-
 беннїи. Мовъ облаки лїюватїи, що сунутся верш-
 ками по земли, пѣдносится пѣсокъ, якъ мгла яка-
 ясь великою силою до горы, серединою розрѣдже-
 ною, електричностїю наповненого вира воздушного:
 гей вода у шумячихъ трубахъ морскихъ, котрыхъ
 жахається морякъ досвѣдченїи. Зводъ небесъ, бу-
 цѣмъ звнженїи, видае неясне свѣтло краски соло-
 мяной на пустыи опѣлья. Наразъ меньше шаръ ви-
 днокруга. Степь стисняется, а заразомъ и на душѣ
 подорожного становитя важче, тѣснѣйше. Курява
 уноситъ туманы розпаденїи, порхкои земли тем-
 нымъ насѣдомъ, мовъ мрака спадаючи, и побѣльшае
 страшенную подуху упалѣвъ. Востоковецъ прино-
 ситъ мѣсто холода новую спеку, вѣючи по рѣвни-
 нахъ жаромъ сонця сквареныхъ.

Поволи зникають такожь и калюжи, котрїи
 споловѣла пальма вахляровата доси хоронила отъ
 изсохи. Якъ межи ледами сѣвера отъ студени де-
 ревьѣ всякая животина, такъ тутъ цѣпенѣють безъ
 поруха крокодилъ и ужъ-боа, зарытїи у высохлу
 глину. Засуха предсказуе всюду смерть, однакожь
 жаждучого переслѣдуютъ всюду въ игрѣ ломаю-
 чогося луча свѣтла, зводнїи образы филюлючон воды.
 Узка пасмуга свѣтла отдѣляетъ отъ земли кущавникъ
 пальмъ, въ дали проявляючїи. Онъ здается ви-
 сѣти въ воздухахъ, будуча въ певнѣй мѣрѣ пѣд-
 несенымъ манюю оптичною, маревомъ, (Fata Morgana)
 повстаючимъ черезъ стычку неодностойно огрѣ-
 тыхъ, а тому и не рѣвно густыхъ верствъ воздуха.
 Конѣ и волы, голодомъ и пекучою жаждою непо-

коеній, гасають скрѣзь посередѣ темрявихъ туманѣвъ куравы; сіи мукають отъ часу до часу ревомъ понуримъ; тѣ-же вытягнувши шию на противъ вѣтра, пирскають ноздрями, щобъ почути изъ влаги пруда воздухъ, чи не есть где близко баюра еще совсѣмъ не высохлая.

Муль второпнѣйшій и проворнѣйшій старається инакше заспокоити свою жажду. Кактусъ меленовый, ростина кулиста и жиловата, укрывае подъ заслоною колюковатою стрижнѣю воднистый. Муль отгинае кольцо передною ногою на бѣкъ, и ажъ потѣмъ притыкае бережно ротъ до оста, щобъ высати изъ него холодячіи соки. Але черпанье зъ того живого жерела ростиного не все вольное отъ опасности, не разъ лучается побачити тую звѣрину окулявѣлю въ копытѣ кольцами кактусовыми.

Надѣйде-жъ нѣчь, котора тутъ завсе со днемъ зрѣвнаная, то и тогдѣ, мимо холода, ни конѣ, ни скотъ не можуть по спецѣ скварного дня уживати супочинка. Великіи дѣлики высысають имъ кровь въ снѣ, якъ опырѣ, або имаються ихъ хребта и справляють гнѣючіи раны, въ которыхъ ажъ кишать москиты, гипобоски и рѣи комахъ колючихъ. Таке нужденне, повне терпѣній житье ведутъ звѣрята, коли вода зникне на поверхности земли черезъ вліянье жаркого сонця.

Коли наконецъ по довгѣй засусѣ наступить благодатная пора дощѣвъ, тогдѣ змѣняется сейчасъ зрѣлище на степахъ. Темная синь неба, доси незахмареного, стае яснѣйшою. Черный просторъ въ звѣздобразѣ креста южного, ледво можъ въ ноци отмѣтити. Слабо сіяюче, фосфоричне свѣтло облаковъ магелянскихъ погасае. Навѣтъ зенитовій звѣздобразы орла и ужоносця блымають дрожачимъ на блескъ планетній менше подобаючимъ свѣтломъ. На юзѣ проявляются поодинокіи облаки, мовъ якіи далекіи горы, прямо подносячійся на виднокрузѣ. Ваворы що разъ бѣльше прибувають и розходяться мовъ мгла, ажъ по за точку надголовну (зенитъ). Наразъ зарокотять далекіи громы клекотомъ величавимъ, звѣщаючи отживляющу тучу.

Ледво що ино звохчится поверхность земли, а уже и пахне степъ, порастаючи килингіями, повноволотнымъ *Razraim* и всѣлякими травами. Зѣльній мимозы свѣтломъ до житья пробужденій розвивають овисле зовялое листье и витають встаюче сонце разомъ съ щѣбетаючими птицами и розпукуючими цвѣтами ростины водяныхъ. Теперъ то пасутся конѣ и волю, радостно буючи. Въ травѣ высоко выстрѣденій крыется красно-плямый ягуаръ, чигаючи звычайемъ кота на прохожіи звѣрята, котрѣ въ легкихъ скокахъ нападае и загрызае, якъ тигръ азійскій.

Часами случается — розказують тамошній жителѣ — именно надъ берегами мочѣль, що провоччена глина поволѣ до горы подносится скибами. Наразъ зрыта земля высоко вылѣтае въ воздухъ, съ сильнымъ гукомъ, якіи звычайно бувае при выбуханью поменшихъ вулканѣвъ муловатыхъ. Кто, тую появу побачить, той якъ найскорше утекае зъ-оттамъ, где тое збулося, бо наразъ вылазитъ изъ гроба великанскій ужъ або крокодилъ панцирный, пробужденій першою проливою изъ мнимого сна смертного.

Небавомъ починають воды поволѣ прибувати нѣ рѣкахъ Аравка, Апуре и Папара, отмежуючихъ рѣвнину на юзѣ. Часть степа прибереае видъ необзоримого моря середземного. Тыи-самыи звѣрята, що въ першѣй половинѣ года чахнули на безводныхъ, куравыхъ рѣвнинахъ, теперъ принужденій жити на способъ земноводныхъ. Клячѣ съ лошадами цофаются на высшіи лавицѣ, выстаючіи понадъ поверхность воды, мовъ острова. Съ каждымъ днемъ стѣсняется що разъ бѣльше обшаръ незалитый. Скупленій звѣрята, не маючіи паши достаточной, плавають докола, живлячись нужденно цвѣтучою волоткою травы, котора выгледае изъ пѣнявои гниловиды. Много жеребцѣвъ потапае, а многихъ порывають и потроцивши хвостомъ зубчатымъ пролигають крокодилѣ. Часто такожъ можъ бачити коня або вола напятинованого на удѣ слѣдомъ твердого зуба, коли бѣдодасѣ удалося уйти изъ пащи сихъ кровожадныхъ великанскихъ ящурѣвъ.

Видъ такий пригадуе мимохоть поважному замѣчателю, що природа, яко вселадница, призначаяча все, якъ слѣдъ, надѣлила певныи звѣрята и ростины особенною гибкостью и вытревалостью. Такъ якъ мучистыи плоды Цереры, слѣдовавъ за чоловкомъ такожъ вѣлъ и кѣнь повсюда на цѣлѣй земли: отъ ложбица Гангеса ажъ до береговъ рѣки Плята, отъ побережья Африки, ажъ по рѣвнину погористу Антисана, выше положеную, якъ Стожкова Гора Тенериффы. Тутъ сѣверна береза, тамъ пальма дактильная засланяють втомлений скотъ отъ спеки юга. Той самъ родъ звѣрять, що у восточной Европѣ веде борбы съ вовками и медвѣдами, опасается въ другѣй стрѣфѣ передъ нападами тигрѣвъ и крокодилѣвъ!

Але не лише крокодилѣ и ягуары нападають коня въ Южной Америцѣ; и межѣ рыбами мае онъ тамъ небезпечного ворога. Воды багнистій околиць Бера и Растро наповненіи безъ числа погромцами або ужами електричными. Тѣ рыбы мають тѣло слизовате, жовтопляме и высылають пѣсля воли силу встрясаючу изъ каждого небудь своего члена. Они тримають 5—6 стѣпъ, и можуть умертвити и най-

ббльше звѣря, коли го дорбе вцѣлятъ подѣлавши наразъ вѣсми своими орудьями нервистыми. — Давнѣйше мусѣли шляхъ степовой, ведущій зъ Уритуку, для того лишень змѣнити, що въ одной рѣчцѣ розмножились погромцѣ такъ дуже, що много коней, котрыхъ переплавляно черезъ бродъ, потапало оголомшенихъ, Такожъ и утѣкае всяка инша

рыба отъ тыхъ страшенихъ ужбвъ. Часомъ навѣтъ ударя сѣдячого на высокомъ березѣ напудить погромець, коли му замоченимъ шнуркомъ удки здалека пошле встрясенье электричне. Такъ то изъ надра водъ выбухае тутъ огонь электричній.

(Д. б.)

— ❖ ❖ ❖ —

Зъ „Мортонъ.“

I.

ЛЯКООНЪ.

Крови зъ-подъ сердца, душу самую
Гадинѣ давъ я — гадино пій!
Вража до мене, мене отрую —
Въ груди горячи люта ю влій!
Видишь, зотгъла, га зангъвли.
Тблько лиши соколовъ-сынбвъ!
По-що соколамъ ночи-могилы,
Сли ихъ ще сонця день не спадивъ? —

Гадино, чуешь, чуешь? Титаны
Свѣтъ ми родили, я ся боровъ
Съ богами дико, гей я по раны
Люто, завзято въ ббйку ишовъ...
Га стоголова, Грека чи знаешь?
Грекъ ти сестрицю-гидру розтеръ —
Клята, чога сторазъ оживаешь?
Я вже сторазъ прошить не замеръ! —

Разъ еще дѣти... Тамки Геляда,
Боги и слава, слава и людъ —
Маратонъ дѣти! рай и отрада —
Маратонъ дѣти! гинете тутъ,
Круки закручатъ пѣсни за вами,
Урны изверже чорна земля —
Зевсе! я гину, гину съ сынами,
А ты не чуешь, боже огня! —

Марморомъ ставъ я бблымъ, студенымъ.
Смѣйся! я вѣчно, вѣчно живий,
Смѣйся! я страсти зломомъ шаленымъ.
Въ душу мраморню око зарый,
Зъ мрамора стрѣлитъ сердце Титана,
А слысь Титаномъ, лаже въ душъ —
Зъ мрамора стрѣлитъ люта рана,
Жаль за сынами — — дѣти мои! —

II.

О товариши! розлита
Спѣванка иде до васъ...
Се поезія розбита —
Я останки тблько спасъ
Се останки, се могила,
Где душа тога зотгъла,
А обнявъ ю тблько гадъ...
Не кленѣтъ мчнѣ — я братъ!

О товариши! где вѣра
И надвѣя и любовь?
Где солодка думка мира?
Га чи разъ я дрѣмотовъ
Плакавъ: Ангеле! верни ми
Рай молодости родимый —
Але зъ сердца демонъ мой
Кликавъ: Смѣйся духу, смѣй!...

О товариши! весною
Я дѣвочу знавъ любовь,
Рай сходилъ минъ зорою,
Снився ангелъ надомновъ.
О моя мадонно ясна!
Вѣчно чиста, вѣчно красна!
Не люби! — Любимецъ твоій
Вже не мае сихъ лелвй...

О товариши! я бѣдну
Душу народа завѣвъ —
Охъ я вержуся на рбдну
Землю — грббъ моихъ батькбвъ! —
Та чи та земля-могила
Не откине, — чи зболѣла
Пѣсня привитае май, —
Ахъ чи верне давнй рай?...

Славичъ.

ФЕ. ЛЕТОНЪ.

Чешская литература.

(1774—1848).

(Дальше).

Челаковскій не тблько бувъ поетомъ, но и основнымъ зваткомъ славянскихъ нарѣчй, которй научився

въ теченью десяти послѣднихъ лѣтъ, въ университетяхъ Бреславскомъ и Пражскомъ. Заслуги его въ томъ отношенью не маловажны, а треба сожалѣти, що такъ рано перенилась дѣятельность его въ Празѣ.

Немного познѣйше отъ Челаковского на поприще литературы выступивъ его лучшй другъ, Хомѣленскій — panenský pavec, якъ зовуть его Чехи. Нѣжное чувство, гар-

моническій языкъ, составляютъ первое достоинство Хмѣленского, который писавъ и драмы, впрочемъ далеко уступающіи его лирическимъ твореньямъ. Второй другъ Челасковскаго, Камарытъ обѣцая першими своими произведениями много прекраснаго, но раня смерть не дала дозрѣти тому рѣдкому таланту.

Отъ 1820 до 1830 года появилось не мало поетѣвъ: Махачекъ, Генрихъ Марекъ, Шнайдеръ, Рокостъ, и др.; но объ ихъ посереднихъ трудахъ мы не будемъ распространяться. Одно только имя стоящее мовъ особнякомъ мы не смѣемо пройти мовчаньемъ, Вячеславъ Клицпера. Живучи майже за всеи своеи литературнои дѣятельности виѣ центра Праги, въ городку Кралевѣ, онъ часто не бувъ оцѣненъ по заслугамъ. Клицпера до сихъ поръ останеся знаменитимъ драматургомъ чешскаго народа. Его комедіи представляютъ вѣрное изображенъ провинціальной и сельской жизни Чехѣвъ, и отличаются оригинальнымъ остроумьемъ. Менше ему удавалися трагедіи, который однако при всѣхъ своихъ недостаткахъ, нерѣдко высше стоять отъ великои части твореній того рода другихъ писателей.

Тое живое литературное дѣланье не осталося безъ вліянъ на чешскій народъ. Участье въ литературѣ, читанье и розходъ книжокъ, замѣтно побольшалися и укрѣпили до вѣрѣ народа къ своимъ силамъ. Въ 1827 г. чешскіи писателѣ основали ученый журналъ: *Casopis Ceskeho museum*. Тая часопись выходящая чотыре разы въ годъ, довжна була представляти розличныи критическіи статьи, знакомити съ народомъ и краемъ. Журналъ той бувъ прилученъ къ Обществу чешскаго Музея яко органъ его ученои дѣятельности. Редакторомъ избранъ тогдѣ еще молодой ученый Францъ Палацкій. Часопись тая въ короткомъ времени стала сборникомъ отличныхъ розправъ по всѣмъ отраслямъ човѣческаго знанья, и хотя не все держалася на той высотѣ, на котору поставивъ ю першій редакторъ, однако заключаетъ въ собѣ много прекрасныхъ трудѣвъ чешскаи науки.

Удача того першого опыта къ розпространенью ученои литературы повела къ результатамъ еще важнѣйшимъ. Ученыи чешскіи книги дуже плохо розходилися въ народѣ, которого высшіи части образовалися по нѣмецки, и отъ, щобы можно було издавати такіи книжки, рѣшено составити капиталъ для изданья хорошихъ сочиненій на чешскомъ языкѣ. Тотъ капиталъ, названный Матицею, составився изъ складокъ, а тимъ, который пожертвовали 50 золот. сер., роздавалися *gratis* всѣ сочиненья, изданныи Матицею. Дѣятельность Матицѣ началась 1831 г. отъ дня еи открытъя, и скоро здѣлалася подвижникомъ чешскаи словесности. Многіи отличнѣйшіи сочиненья, напр. Юнгманѣвъ „Словарь“, Шафариковѣ старинности (*Starozitnosti*), Палацкаго „исторія чешскаго народа“, обовязаніи своимъ появленьемъ въ свѣтъ тому благодѣтельному институту. Отъ того времени дѣятельность чешскихъ литератѣвъ начала находити больше сочувствья въ народѣ. Любовь къ рѣдному языку крѣпилася во всѣхъ сферахъ народа, — и съ якою гордостью смотрѣли патриоты (*Ulastenci*, — такъ называлися други народности) на народъ, оставашійся въ неподвижности! Такому результату помагавъ особенно писа-

тель съ небольшими дарованьями, но дѣятельный, краснорѣчивый, Іосифъ Кастанъ Тыль. Въ „Цвѣтахъ“ — журналѣ, находившомся подѣ его редакціею 1834, г. онъ смѣлѣйше отъ прежнихъ писателей ставъ голосити любовь къ народу, къ отчинѣ, къ языку, и во всѣхъ статьяхъ, въ повѣстяхъ, небольшихъ сатирахъ, въ вѣстяхъ изъ Праги и изъ другихъ городѣвъ, всюду чути одинъ голосъ — любви къ родинѣ, къ народности. Майже всѣ его многочисленней повѣсти основаны на патриотизмѣ, и въ драматическихъ творахъ онъ часто вертается къ своему дорогому предмету. За тое горячее чувство до народа, Тыль отъ 1834-го до 1848 г. бувъ любимымъ писателемъ чешскимъ, и ставъ тожъ головою патриотѣвъ. Ти патриоты, люде всѣлякихъ гадокъ и именъ, сходилися только въ томъ, що всѣ однако желали придати рѣдному языку официальное значенъ, и ту основную гадку ихъ дуже часто высказавъ Тыль языкомъ прехорошимъ. Якимъ образомъ якими дорогами тая гадка могла осуществитися, — о томъ думали немногіи изъ патриотѣвъ; но кто думавъ, тотъ полагавъ, що треба начати отъ шкѣлъ. Опѣсля загальная увага була звернена на школы; но такъ, якъ при строгости цензуры, невозможно було писати противъ бушнаго тогдѣ устройства шкѣлъ, то довжно було вести бѣй съ бѣльшою осторожностью и только зъ далеска показовати недорѣчивость нѣмецкихъ шкѣлъ для чешскаи молодежи. Въ той цѣли основано въ Празѣ общество, въ которомъ многіи изъ прежнихъ писателей доказовали необходимость реформы въ устройствѣ шкѣлъ для чешскаи молодежи. Бѣй бувъ довгий и лютий, но Чехи побѣдили, и прежнii школы заперто въ 1846 г. А такъ якъ само общество не мало средствъ для основанья чешскаи школы, то и здѣлало возванъ къ всему чешскому народу о пожертвованью въ хосенъ загальнаго дѣла; и горячее чувство! обгорнувшее зъ того повода весь народъ, було наилучшимъ доказомъ успѣха въ народномъ сознанью. (Д. б.)

ПЕРЕПИСКА.

Бл. М. Г. въ Краковѣ: Правда, отгадалисмо: ожидайше просторопного письма. Бл. Орестъ А. въ Москѣ. Що гуваши? Бл. Ром. С. На будуще. Пис. Ред. „Голоса народного“: Не полутилисмо доси ни одного гисла.

Понеже намъ извѣщено, що гдѣкуда принадлежнii примѣрники нашего письма неправильно доходятъ, просимо отже нашихъ пчт. пренумерантѣвъ, най изволятъ о каждой не точности сейчасъ отвѣтно зареклямовати.

БОЯНЪ выходитъ каждого 1., 8., 15., и 22. великимъ листомъ. — Пренумераша: на годъ: 5 зол. А. В., на пѣль года: 2 зол. 50 кр., на чверть года: 1 зол. 40 кр. — *Гроши впередил.* адресуются до пчт. Редакціи Слова, ч. 144 м. або до Администраціи Бояна, ч. 193 м. — Матеріалы присылаютъ п. адресою: Володиміръ Я. Стебельскій, ч. 145 м.